Океанические штормы в Сумеречном море были частым явлением, аморфными стихиями без цели и направления, только с волей к существованию; гороподобные волны, чьи гребни словно пытались смести звезды с неба вверху, сталкивались друг о друга с мрачным звучанием, что напоминало предсмертный шепот и подзабытые зловещие пророчества.

Джоффри каким-то образом понимал этот вековечный, первобытный зов, глубоко заякоренный в самом существовании мира, когда величественные волны вынырнувших из глубин словно призраки прошлого, поднимая его небольшой корабль вверх в небеса, только чтобы сбросить его наземь, когда слышалось словно вздох волны, которая теряла силу и бросалась вниз для возвращения в бессонный сон; голос волны словно отрицали другие величественные водяные горы, которые ударялись друг о друга с первобытной яростью, вызывая огромные взрывы соленой воды, которые рвали паруса и вызывали неприятные, жгучие царапины.

Пока дикая сила природы пыталась уничтожить саму себя в неистовой бури, пока он бил палашом по тросу, пытаясь отрубить остатки последнего паруса, которых сразу понес прочь порыв ветра, пока титанические волны сталкивались друг с другом и величественные водяные волны пытались смыть его с мачты, пока звезды в небесах сияли сквозь прорывы в облаках...

Джоффри чувствовал, что может понимать, на какую-то небольшую долю, мелодию самой реальности. Только в этом месте, посередине между ревущим морем и небом, ледяным дождем омытым и освещенным величественным катаклизмом шторма, который освещали молнии все вплоть до горизонта, как далеко мог видеть глаз, и видимо и дальше... только здесь эта мелодия приобретала такой громкости, что он на самом деле мог ее слышать.

Так же, как глухой человек может услышать ритм песни благодаря вибрациям барабана в груди и животе, если они были достаточно громкими, да и Джоффри едва-едва улавливал хрупкое биение реальности, содержащая в себе все сущее.

Реальность была вещью, которую нельзя описать словами; то была мелодия, которая вибрировала и гудела за пределами слуха... в ближайшее ощущением, которое Джоффри мог сравнить с этим, была вневременная мгновение между вдохом и дыханием, хрупкая, невесомая, миг-где-там в глубине между легкими и гортанью, что занимала лишь долю миллисекунды, иногда немного дольше.

Небольшой кораблик быстро взбирался по титаническим волнам, подгоняемый могучей силой ветра; он следовал невидимой линии, которая простиралась на запад от точки начала существования, места, где все началось, места, где он впервые умер и места, где он впервые переродился... от Красного Замка.

Юноша плыл на запад, следуя приказам своих создателей, в даль Сумеречного моря, заплыв дальше, чем кто-либо в истории. Он столкнулся со штормами, что поломали бы флот Брандона Строителя на щепки.

Он питался тем, что мог поймать в море, и жадно пил дождевую воду; тело исхудало невероятно, кожа словно задубело от рук искусного мастера; плоть стала единым целым с душой. Кораблик протекал и скрипел, а однажды он увидел огромного кракена, который не уступал по размерам титаническим волнам, что бушевали на море.

Джоффри лишь раз видел это здоровенное существо, невероятно яркая молния освещала его во всей его захватывающей грандиозности, с огромными щупальцами, каждое длиной с Высокую Башню, и огромными глазами, что казалось - смотрели именно на него, не моргая.

Джоффри зачарованно пялился в ответ, преисполненный трепета, на то существо сквозь ветер

и дождь, но когда небеса снова разорвал болезненный для ушей гром и осветило горизонт развесистой молнией... существо уже исчезло в глубинах.

Принц чувствовал что-то странное во время тихих моментов на рассвете, когда дул бриз; он чувствовал себя неудобно, словно дитя в промежутке между материнскими колыбельными. Он проводил свободное время с Львом, лаская просоленное серебряное мех, наслаждаясь звуком мурлыканье; лев пожалуй разделял то же настроение и проводил целые часы, глядя на горизонт с носа яхты, пока Джоффри медитировал. Зверь знал, что на них вскоре ждет кардинальное изменение существования.

Иногда он проводил время, исследуя Светлорев, размышляя над его целью и предполагая, что скоро наступит время, для которого меч был создан. Позолоченная львиная голова на рукоятке поблекла и приобрела серебристый оттенок после заякоренния меча в глубинах души, который там закрепился намертво и оставил по себе прочное соединение с самой сущностью юношу.

Легкая, золотисто-желтоватая аура до сих пор окутывала валирийский металл, который плотно прилегал к покрытых рунами ножен из драконьей кости. Иногда он практиковался с мечом, делая широкие, грациозные удары, в которых было больше медитации, чем тренировки. Чувствовалось странным - держать меча-бастард обеими руками, и его обманчивая легкость не раз приводила к выскальзывания оружия из пальцев и падение в море.

Он плыл, сверяясь с картой и компасом, астролябией и линейкой, напрягая ум и руки до максимума, продолжая путь, что протянулся прямо от Королевской Гавани до в никем не разведанных вод Сумеречного моря.

Он плыл, плыл и плыл, пока земля не решила закончиться, сами небеса сошли вниз на море и вызвали шторм таксилы, что даже воздухом было трудно дышать из-за дождя; волны, перед которыми предыдущие титаны выглядели карликами, наконец смогли победить его полуслепое рулевое управление и ударили по нему, ломая корабль пополам, бросая обломки на дно моря.

Когда он тонул, Джоффри имел странную уверенность, что эта третья попытка будет последней; яркая, как солнце, молния осветила самые глубины моря вместе с могучим силуэтом, который приковал все внимание юноши, но было ли это видение, или что-то настоящее, он не мог сказать наверняка.

Сначала глаза словно не желали раскрываться, а тело чувствовалось странным, очищенным и от радости, и от страха. Он напрягся, когда услышал отдаленный рев, почти на грани чувств, таким далеким оно ни было. Когда юноша сфокусировался на том звуке, то осознал, что звук приближается, высокочастотное шипение вперемешку с низким гудением, которые каждый раз становился все более громче, чем больше он концентрировался на них.

Шипящий визг усиливался, а гробовое гудение ослабевало, только чтобы начать все снова. И все сильнее и сильнее гудел, пока не взорвался, его останки брызнули на его тело, когда он снова почувствовал свои руки. Он поднял вверх одну руку, нащупав что-то потрескавшееся и твердое, острое на ощупь и смоченную водой.

Он продолжил движение рука, пока не коснулся лица, стирая соленую корку с век, тогда наконец смог открыть глаза, когда гудение достигло пика снова, и увидел, как огромная волна ударилась о скалу, на которой он лежал, свирепо разлетаясь на скалу и на него.

Он осознал, что том тот шипящий посвист был звуком ветра, который проходил через

неровный ландшафт перед ним. Очередная волна разлетелась и окропила его своими остатками, когда он взглянул на бушующее море перед собой; горизонт скрывался в дыме и шторме.

Он повернул голову назад, вставая, и увидел то, на чем лежал: маслянисто-черную каменную конструкцию, которая начиналась как некий рукотворный риф, продолжаясь в идеально точно вытесанный треугольник, который лежал на спине, словно огромная черная треугольная морская звезда на вершине черной скалы. Грани и края выглядели выветренными и посеченными, не содержали ни одного орнамента; сооружение простиралась над волнами словно монолит, только на несколько этажей выше линии воды… но внизу…

Внизу…

Джоффри наблюдал, как она опускалась все ниже и ниже, пока темное море не поглощало ее контуры без следа, закрывая поле зрения; треугольная башня продолжалась и дальше за мутными, бурными водами за пределами его зрения и света от луны и звезд; лишь случачайные молнии на миг очерчивали для Джоффри контуры Сооружения, как она продолжалась все ниже и ниже, пока даже величественные вспышки от рассерженной бури не могли пробиться в глубины, и, насколько Джоффри понял, тот огромный черный треугольник достигал внизу самих недр земли, а может и материального входа в сам Пурпур.

Он шел, прихрамывая, между выступами черных скал, сопротивляясь натиску волн, словно пытались сбить его с ног; тут и там замечал обломки своего корабля. Он увидел часть собственной каюты, двигаясь вверх Треугольником; вид знакомой детали окружения заставил парня потерять равновесие и упасть на все четыре конечности.

Когда он встал, то понял, что уже поздно - большая рычащая волна накрыла его с головой, и он упал головой в море, мощные течения схватили его, как цепи, пока юноша отчаянно хватался за выступ скалы. Величественная молния осветила сверху Треугольник, когда он посмотрел вниз и увидел между пеной и пузырьками бездонный тоннель без конца-края.

Он вынырнул на поверхность с лихорадочным дыханием, крепко вцепившись руками за черный риф. Парень сумасбродно поднялся вверх по зубчатой поверхности, пока шторм ревел вокруг со всей мощи, а сильный дождь шел вперемешку с градом.

Он вздрагивал от холода, когда вылез к какому-то более-менее ровному участку, который поднимался по краю Треугольника, и отметил немалый корабельный обломок, застрявший между той плоскостью и особо большой черной потрескавшейся скалой.

Он поплелся к нему; кожа под лунным сиянием приобрела бледно-желтый оттенок. Дрожащие руки нащупали небольшой, закрытый на замок ящик, которую он закрыл намертво перед отбытием из Вестероса.

Юноша попытался открыть ее руками, качаясь вправо и влево от ударов волн, промокший до костей, а шторм вокруг все ревел, а ветер свистел, высасывая остатки тепла из тела. Он приглушенно крикнул, когда сломал два ногти, приподнялся и закричал к буре в ответ, материализуя Светлорев в вихре пурпурных фракталов и взрыва соленой воды; подошел к ящику и отрубил верхушку, словно то был кусок хлеба.

Джоффри швырнул меч в сторону, стал на колени и вытащил средних размеров рюкзак, быстро надел его и направился дальше вверх, сопротивляясь волнам и ветру. Он вскарабкался на вершину Треугольника, огляделся и увидел то именно штормовое море на все стороны, куда бы ни переводил взгляд, и титанические волны на горизонте. Ветер дул все сильнее, мешая

дышать; он опустил взгляд, разглядывая внутреннюю часть Треугольника. По телу пробежали мурашки, когда юноша заметил в стене вход в черный тоннель.

Тоннель, ждал его приход в течение целых эпох.

Он снова вздрогнул, заходя внутрь, вытащил маленькое, наполовину промокшее одеяло и окутал ею спину, опершись к стене, и вгрызся зубами в кусок вяленой говядины. Парень сделал большой глоток воды из небольшого водного мешкв, закрыл глаза и глубоко вдохнул.

Вдох...

Вневременное существование манило, когда он на секунду потерялся в фрактальном водовороте.

Выдох...

Он открыл глаза и поднялся на ноги, вытащил небольшой масляный фонарь и двинулся вперед по туннелю, что напоминал сечение треугольника.

Нежный, мерцающий огонек с фонаря подсвечивал выветренные черные камни, и Джоффри быстро обнаружил, что спускается вниз по лестнице, которые поворачивали направо через каждые тридцать ступенек. Дыхание странно резонировал под сводами, приглушенный звук как бы удваивался при спускания вниз, хотя все более странно звучал, все более приглушенно.

Вода текла двумя струями по параллельным выступам вдоль лестницы, взбадривая и будя его, когда он останавливался, чтобы поспать; фонарь погас, лишь эхо собственного дыхания и журчание воды составили ему компанию, когда он пробовал заснуть сном без сновидений.

Дважды он останавливался на сон, и холод усиливалась, чем глубже он спускался. Собственные шаги странно резонировали в бесконечности, когда он поворачивал направо и спускался вниз по лестнице, вправо и вниз по лестнице, вправо и вниз.

Джоффри подумал, что достиг следующей стадии своего существования, бесконечного марафона сквозь черно-каменный тоннель, когда шагал вправо и вниз, вправо и вниз, вправо и вниз, пока ступеньки наконец закончились, и юноша внезапно оказался в самих недрах земли.

Здесь не было слышно звуков, кроме водяных потоков, быстро исчезали за невидимыми водостоками и оставляли его в одиночестве; он прошел по туннелю до самого конца, оказавшись в небольшом коридоре, словно вырезанном из скальной породы, сооружения, который врезался в землю под конкретно продуманным направлением.

Джоффри не слышал абсолютно ничего, кроме собственного ускоренного дыхания - это место казалось молчаливым, как гробница; волосы на шее стали дыбом и руки задрожали, когда он приготовился встретиться с ними.

Коридор закончился большим залом, также вырезанной из скального монолита, заполненной лесом черных колонн, высеченных из той же породы; все помещение было покрыто резьбой от пола до потолка.

Пять тоннелей уходили из зала в направлениях, которые казались произвольными... или очень выверенными. Он бродил по залу медленными шагами, скорее представляя, чем замечая периферийным зрением потусторонние тени за каждой колонной, что кажется караулили его...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/61076/1878886